

УДК 94 (476)«18/19»

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИЧЕСТВА
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1864–1914 гг.****А.Д. КУЗЬМИН***(Могилёвский государственный университет продовольствия)*

Предметом исследования является конфессиональный подход в кадровой политике царских властей на территории белорусских губерний в 1864–1914 гг. Установлено, что после подавления восстания 1863–1864 гг. царское правительство проводило политику по изменению кадрового состава местных органов государственной власти. На всех высших и ответственных должностях местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи. В начале XX в. кадровая политика царских властей не претерпела существенных изменений. Ключевые должности в местной администрации по-прежнему оставались закрытыми для лиц польской национальности.

Ключевые слова: чиновничество, конфессиональный подход, национальный подход, кадровый состав.

Введение. В рассматриваемый исторический период чиновники были значимыми фигурами в обществе. Являясь официальными представителями государственной власти, они оказывали существенное влияние на общественное поведение и сознание людей. Представители бюрократии были не только оплотом самодержавия на местах, но и региональными центрами власти. Работа государственных учреждений во многом зависела от психологии и образа жизни людей в них служащих, конфессиональной и национальной принадлежности чиновников, уровня их профессиональной компетентности, имущественного положения, условий службы.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной темы в отечественной историографии. На сегодняшний день отсутствует детальное рассмотрение политики самодержавия в области организации местных органов государственной власти, не проведен всесторонний анализ законодательства, регламентировавшего структуру и состав государственных учреждений, отсутствует комплексная характеристика чиновничества белорусских губерний в этот период.

Основная часть. Восстание 1863–1864 гг. поставило перед российскими властями вопрос о политической лояльности чиновников из числа местных уроженцев католического вероисповедания. Многие из них проявляли нескрываемую симпатию к политическим и национальным идеалам восстания, пополняли ряды повстанческих отрядов, оказывали им помощь. Чиновники содействовали подделке документов, укрывали повстанцев, давали ложные показания в пользу земляков, информировали восставших о передвижении войск и действиях властей. Одним из способов демонстрации своей политической позиции в среде чиновников стал саботаж. С целью сорвать работу местных учреждений часть из них подавала коллективные прошения об увольнении, другая часть не выходила на работу без уважительной причины. Например, в Могилёвской губернии только за 5 дней 1863 г. (23–28 апреля) оставил службу 51 человек. Чиновники участвовали также в обеспечении повстанческих отрядов деньгами, провизией, оружием, вели антиправительственную агитацию [1, с. 34].

По мнению виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, восстание 1863–1864 гг. приобрело широкий размах благодаря тому, что «все нити ... сосредотачивались в руках туземных чиновников, наполнявших присутственные места и канцелярии и поэтому имевших полную возможность скрывать от правительства все заговоры и политические организации, содействовать их развитию и парализовывать распоряжения правительства, касавшиеся пресечения зла в самом его начале» [2, с. 44]. В циркуляре от 19 июня 1863 г. он констатировал, что «во время настоящего мятежа многие из чиновников и служащих лиц польского происхождения, оставив занимаемые ими должности, скрылись с мест своих жительств и присоединились к шайкам мятежников» [2 с. 44]. Так, только за январь 1864 г. в витебском тюремном замке за политические преступления из 105 арестованных 27 (25,7%) принадлежали к служащим, в большинстве своем римско-католического исповедания [3, с. 61]. В марте 1864 г. жандармский штабс-капитан Гродненской губернии отослал губернатору список лиц, которые были по причине возникших сомнений в их благонадежности высланы административным порядком во внутренние губернии империи под надзор полиции. Данный список включал в себя 81 чел., среди которых насчитывалось 37 чиновников (45,7%) [4, с. 111]. В таких условиях замещение в местной администрации чиновников-католиков было одной из важнейших мер в правительственной программе успокоения и русификации края. По мнению Д. Сталюнаса, М. Н. Муравьёв не нашел в крае ни одной социальной группы, на которую он мог бы полностью опереться в реализации своей программы. В связи с чем именно чиновники стали его основной опорой в Литве и Беларуси [5].

В служебной записке виленского генерал-губернатора от 14 мая 1864 г. указывалось, что в западных губерниях следует «все высшие служебные должности по всем ведомствам, а также все места, имеющие прикосновение с народом, заместить русскими чиновниками, прочие же должности замещать русскими постепенно» [2, с. 45], что и было утверждено императором Александром II 22 мая 1864 г.

В феврале 1865 г. М. Н. Муравьев еще раз напомнил губернаторам о том, что нахождение чиновников-католиков на службе возможно только после строгой проверки личного состава штатных чиновников польского происхождения, причем проверяемые служащие должны были засвидетельствовать политическую благонадежность и преданность правительству не только на словах, но и на деле. Циркулярное предписание заканчивалось пожеланием того, чтобы чиновники, которые «остаются в душе преданными революционным устремлениям мятежной польской партии», добровольно покинули государственную службу и не вынуждали власти прибегать к увольнению [2, с. 45].

По указу от 17 марта 1867 г. генерал-губернатору было дано право замещать должности предводителей дворянства только лицами русского происхождения. В результате должности предводителей дворянства в крае были заняты или местными русскими помещиками, или чиновниками МВД из внутренних губерний империи [3, с. 61].

Царские власти поставили задачу привлечения в край русских чиновников, предоставив им ряд льгот и преимуществ. Уже 14 января 1864 г. М. Н. Муравьев приказал выплачивать всем приехавшим из России чиновникам 50-процентную прибавку к жалованию. В Гродненской губернии, например, за тот год 364 чиновника получили такую прибавку к своим окладам. Эти деньги являлись вознаграждением за благонадежность и старательную службу. В апреле 1865 г. гродненский губернатор обратился к начальнику края с просьбой разрешить выплачивать дополнительное жалованье чиновникам местного происхождения православного и мусульманского вероисповеданий, и такое разрешение было получено [4, с. 112–113].

В поисках денег и чинов в период генерал-губернаторства М. Н. Муравьева в Северо-Западный край прибыло свыше 3000 чиновников. По свидетельству П. А. Черевина, около 1000 из них были возвращены обратно за несоответствие требованиям службы по своим деловым и моральным качествам. Оставшиеся в крае 2000 служащих вместе «с прежними не составили, однако, перевеса на стороне русских в общей массе чиновников, и только впоследствии при генерал-губернаторе К. П. Кауфмане стало число русских чиновников превышать польских» [6, с. 27].

В сентябре 1864 г. начальник Виленского жандармского управления А. М. Лосев доносил в Петербург: «Большая часть командированных в Вильно русских чиновников низших чинов отличаются дурным поведением. А некоторые из них оказались до такой степени отвратительной нравственности, что никакие меры начальства не могли обуздать их; пробовали выдавать им на обратный путь прогонные деньги, но они до выезда успевали их пропить. Чтобы избавиться от подобных представителей русского чиновничества, возмущавших нравственность, другого средства не было, как отправлять их по этапу» [7, с. 62–63]. В 1865 г. витебский губернатор В. Н. Веревкин в секретном предписании требовал от уездных исправников, председателя Витебской казенной палаты, военных начальников уездов, председателей палат гражданского и уголовного суда предоставить сведения о служебных и нравственных качествах чиновников, прибывших из великороссийских губерний [8, л. 4–5 об.]. Из 27 приехавших чиновников положительные характеристики были у 13. У семерых было указано, что они «мало способны к службе». Так, военный начальник Динабургского уезда предоставил следующие сведения о чиновниках присутственных мест уездного города: «Столоначальник уездного суда Перевалов и заседатель Тарабукин ведут себя пока прилично, в служебных делах не очень способны. Последний может быть более полезен в другом меньшем уездном городе. Секретарь магистрата Березин ведет нетрезвый образ жизни и к службе непригоден. Заседатель уездного полицейского управления Куковекин требует за собою надзора и склонен к злоупотреблению спиртным, никаких ответственных поручений давать ему нельзя. Регистратор Емельянов во всех отношениях положителен» [8, л. 21–21 об.].

Генерал-губернатор М. Н. Муравьев предложил установить обязательных двухлетний срок службы или требовать обратно подъемные деньги. Всего на службу в северо-западные губернии с 1863 по 1867 гг. прибыло 5617 чиновников [7, с. 63].

Тотальная замена чиновников-католиков на православных значительно повысила расходы на их содержание, поэтому позднее правительство постепенно регламентировало льготы для служащих западных губерний. Согласно правилам от 21 ноября 1869 г. служащим некоторых ведомств предоставлялась особая прибавка к жалованию, которая пополнялась из 10-, 5- и 1-процентных сборов с местных дворян-католиков. Лица, поступившие на службу в край до 1870 г., получали 50% добавочного содержания, прибывшие в 1870–1875 гг. – 30–40%; после 1875 г. – 15–20% [3, с. 62].

Таким образом, правительство делало все возможное, чтобы материально заинтересовать русских чиновников. Эта политика вскоре стала приносить свои результаты. Чиновники местного происхождения католического вероисповедания в массовом порядке увольнялись со службы. Так, согласно данным гродненского губернатора за апрель 1866 г. в его губернии насчитывалось 186 уволенных чиновников.

В Витебской губернии эта цифра была приблизительно такой же – 183 человека [9]. Витебский губернатор В. Н. Верёвкин писал в своем отчете: «Главной причиной увольнения этих лиц со службы было их польское происхождение, которое не позволяло убедиться в их преданности русскому правительству». Таким образом, в данной ситуации католическое вероисповедание отождествлялось с принадлежностью к польской национальности [4, с. 114]. На протяжении всего нескольких лет личный состав служащих местных государственных учреждений был кардинально обновлен. Согласно перечневой ведомости в Витебской губернии в 1865 г. было 1086 чиновников, состоящих на службе в присутственных местах и канцеляриях, без учета лиц, служащих частным образом по найму. Из них православных – 650 (60%), католиков – 388 (35,7%), лютеран – 34 (3,1%). Так, в канцелярии витебского губернатора из 16 чиновников 15 были православными; в губернском правлении из 85 чиновников 68 (80%) – православные, 14 (16,5%) – католики, 3 (3,5%) – лютеране. По почтовому ведомству среди 34 чиновников 26 (76,5%) были православными, 8 (23,5%) – католиками, 2 (6%) – лютеранами. В палате государственных имуществ из 74 служащих 51 (69%) были православными, католиками – 21 (28,4%), лютеранами – 2 (2,7%). В городских и уездных полицейских управлениях католиков было только 15 человек (11%) из 136. Довольно высоким оставался процент католиков, служащих в палатах гражданского и уголовного судов (около 52%), а также в уездных судах Витебской губернии (50%). Однако католики служили в канцеляриях этих судов и никаких руководящих должностей не занимали [10, л. 248–251 об.].

На основе данных адрес-календаря Виленского генерал-губернаторства за 1868 г. С. М. Токть проанализировал конфессиональный состав 3400 классов чиновников 5 белорусских губерний. По вероисповеданию они распределялись: православные – 2591 (76,2%), католики – 571 (16,8%), протестанты – 153 (4,5%), мусульмане 75 (2,2%), другие 10 (0,29%). Среди 43 чиновников, которые занимали руководящие должности в губернских администрациях, 32 были православными (74,4%), 6 – лютеранами (14%), 5 – католиками (11,6%). 330 чиновников уездных учреждений по вероисповеданию распределялись следующим образом: православные – 271 (82%), католики – 33 (10%), протестанты – 23 (6,7%), мусульмане – 3 (0,9%). Особенно высоким был процент православных среди уездных судей (100%), председателей мировых съездов (96,9%) и полицейских исправников (89,7%) [4].

В 1870 г. в канцелярии минского губернатора в штате насчитывалось 9 человек. Все они были православными. Из них 3 были награждены орденами, которые давали право на дворянство. Только во врачебном отделении губернского правления из 46 чел. 17 были католиками и 5 – иудеями, на долю православных и лютеран приходилось 24 человека [11, с. 217].

Несмотря на то, что по закону от 22 мая 1864 г. на государственную службу в крае запрещалось принимать католиков только в качестве начальников учреждений, в действительности же это касалось почти всех служебных мест. Так, 17 октября 1868 г. директор почтового департамента в своем циркулярном письме предлагал губернаторам не принимать католиков на открывавшиеся вакансии, а тех, кто уже служил, – не повышать в должности. Этот циркуляр вновь был подтвержден в 1899 г. Таким же письмом от 27 октября генерал-лейтенант А. Н. Безак запретил принимать на службу католиков и в телеграфные учреждения [11, с. 217].

В 1867–1877 гг. только 5 чиновников почтового ведомства в Могилёвской губернии были католиками. Некоторые католики ради карьеры переходили в православие. Например, так поступил уроженец Пруссии А. Ф. Гензель, работавший 8 лет станционным смотрителем. После крещения он за такие же 8 лет прошел путь до Мстиславского уездного почтмейстера. После подавления восстания 1863–1864 гг. все почтовые служащие Могилёвской губернии были награждены медалью «За усмирение польского мятежа», кроме почтovieков-католиков. При этом трое из них работали в этот период в губернии и в их послужных списках не зафиксированы претензии к их работе. Протестанты среди могилевских почтovieков были из числа лютеран. Телеграфисты должны были владеть иностранным языком (французским или немецким). Хорошее знание языка было у российских подданных прибалтийских губерний, поэтому их охотно приглашали на телеграф. В начале XX в. в Могилёвской губернии работало 12 почтовых служащих лютеран [12, с. 42].

Однако несмотря на все предпринимаемые меры по привлечению в Северо-Западный край чиновников из центральных губерний России кадровый состав местных органов власти по-прежнему не устраивал губернаторов. Так, в своей всеподданнейшей записке за 1885 г. витебский губернатор В. М. Долго-руков писал: «Считается настоятельно необходимым недопущение на государственную службу лиц польского происхождения, число которых в губернии доходит до 180 чел., особенно в должностях предводителей дворянства. Лица, находящиеся в этих должностях, принадлежат в большинстве к польским помещикам и благодаря служебному положению и своему богатству способствуют польской интеллигенции проводить антиправительственную агитацию» [13, л. 9]. Виленский генерал-губернатор И. С. Каханов в отчете за 1884 г. указывал, что число католиков составляет весьма значительный процент служащих и что цель, намеченная Высочайше утвержденным 27 мая 1864 г. журналом Западного Комитета по замещению чиновников, находящихся в непосредственном соприкосновении с народом, лицами

русского происхождения, не достигнута. Особенно это относится к большинству низших должностей и преимущественно к составу канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов. В Гродненской губернии из 1260 лиц, состоящих на государственной службе и допущенных к работе по найму в учреждениях ведомств министерств внутренних дел, финансов и государственных имуществ, православные составляли 779 человек (61,8%), католики – 351 (27,9%), протестанты – 62 (4,9%), мусульмане – 58 (4,6%), иудеи – 9 (0,7%). Служба в северо-западных губерниях для чиновников из других местностей империи была нелегка. Из-за отсутствия земств и выборных должностных лиц все дела, которые в других губерниях империи находились в их ведении, здесь ложились на плечи чиновников. Недостаток притока русских служащих привел к тому, что низшие должности в крае, по которым неизбежно непосредственное соприкосновение с народом, замещаются католиками. Не исключая того, что среди чиновников-католиков могли быть люди вполне добросовестные, генерал-губернатор все же сомневался, что эти крайне немногочисленные служащие, находясь под контролем окружающей их родственной польской среды, могли идти вразрез с польскими стремлениями. И. С. Каханов обратил также внимание, что всякая оплошность со стороны русского чиновника всегда выставляется напоказ местной интеллигенцией, тогда как серьезные неблагоприятные действия польских служащих скрываются. В конечном итоге губернатор пришел к выводу, что необходимо сделать службу в Северо-Западном крае более привлекательной путем увеличения служебных преимуществ чиновникам русского происхождения от XIV до VII классов включительно. Его предложение состояло из следующих пунктов:

- 1) право на производство за выслугу лет в чины по сокращенному на один год ранее общему 3- и 4-летнему сроку;
- 2) право на производство канцелярских служащих в чин XIV класса по сокращенным наполовину, вместо положенных по их происхождению, срокам;
- 3) право на получение по сокращенным срокам выслуги полных окладов пенсии за 25 и половинных за 20 лет службы в крае;
- 4) право на зачисление в срок выслуги прежней службы чиновника в империи по крестьянским учреждениям и по выборам от дворянства;
- 5) право на получение ордена Св. Владимира IV степени за 35-летнюю службу по сокращенному сроку с тем, чтобы 3 года в крае считались за 4 года в империи [14, л. 3–5].

13 июня 1886 г. были изданы дополнительные правила о преимуществах службы в отдаленных губерниях. Согласно правилам в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Минской) особыми привилегиями пользовались служащие в канцеляриях духовных консисторий православного исповедания, в канцеляриях губернаторов, в городских и уездных полицейских управлениях, а также учителя приходских училищ: им установили надбавку в размере 50% получаемого жалования. Чиновникам от XIV до VIII класса включительно в губернских правлениях, приказах общественного призрения, комиссиях народного продовольствия, в почтовых конторах, казенных палатах, казначействах, управлениях государственными имуществами, контрольных палатах, в духовных учебных заведениях и канцеляриях попечителей учебных округов, учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения и дирекциях народных училищ, уездным врачам и землемерам, чинам ведомства Министерства путей сообщения полагалась надбавка в размере 20% от получаемого жалования. Особые преимущества заключались и в предоставлении прогонных денег в повышенном размере. Лица русского происхождения, определяемые на должности по учебной и воспитательной части в учебные заведения Виленского учебного округа, получали сверх прогонов пособие: семейные – в размере полугодового оклада жалования, а одинокие – в размере 1/3 означенного оклада. Кроме того, чиновникам предоставлялся отпуск на льготных условиях и пенсионные преимущества [15, с. 14–15].

Могилевский губернатор А. С. Дембовецкий в отчете за 1886 г. приветствовал принятие данного закона. Вместе с тем он указывал на недостаточный размер содержания служащих ведомства Министерства внутренних дел. Данное обстоятельство уже давно служило, по его словам, существенным затруднением при замещении второстепенных должностей в губернских и уездных учреждениях, потому что люди с высшим образованием или практическим служебным опытом предпочитали работу в других ведомствах или же вообще уходили из государственной службы. Более того, закон 13 июня 1886 г., увеличивая содержание только тех служащих, которые не принадлежат к числу местных уроженцев, улучшал материальное положение лишь немногих. По мнению А. С. Дембовецкого, данная мера должна была распространяться и на местных уроженцев православного вероисповедания [16, л. 7–8].

Таким образом, губернаторы являлись не только исполнителями государственных законов, но и непосредственно принимали участие в их проектировании с учетом местных особенностей.

Особое внимание царское правительство уделяло конфессиональному составу судебных кадров в Северо-Западном крае. Секретный циркуляр Министерства юстиции от 21 июля 1885 г. запрещал «лицам польского происхождения» занимать в девяти западных губерниях должности секретарей в судебных учреждениях, судебных приставов, а также нотариусов. Согласно секретному циркуляру Министер-

ства юстиции от 9 января 1892 г. принимать «лиц польского происхождения» в качестве кандидатов на судебные должности при окружных судах западных губерний категорически запрещалось. Тем не менее вышеназванные меры власти посчитали недостаточными. 10 июня 1893 г. был принят еще один секретный циркуляр, направленный на ограничение доступа католиков к судебным должностям в Западном крае. Отныне для данной категории граждан недоступными становились должности помощников секретарей общих и мировых судов, а также судебных рассыльных при судебных палатах и окружных судах в девяти западных губерниях [17, с. 61–62].

Территория Беларуси входила в черту еврейской оседлости, что, несомненно, влияло на конфессиональный аспект кадровой политики правительства в здешнем крае. В секретном циркуляре Министерства юстиции от 30 апреля 1886 г. говорилось о необходимости отстранения евреев от работы в канцеляриях судебных следователей и чинов прокурорского надзора. Следующим шагом правительства по удалению евреев из судебных учреждений стало издание секретных циркуляров 6 июня 1887 г. и 9 января 1892 г., согласно которым евреи не могли быть нотариусами и кандидатами на судебные должности. В результате такой политики евреи могли участвовать в деятельности судебных учреждений только в качестве адвокатов. Однако и тут их права были ограничены. В 1889 г. министр юстиции Н. А. Манасеин представил на утверждение царя доклад, в котором предлагалось принимать в присяжную адвокатуру лиц нехристианских вероисповеданий только с разрешения министра юстиции. Необходимость этой меры Н. А. Манасеин объяснял тем, что русские вытеснялись из адвокатуры евреями, которые своими специфическими приемами нарушали моральную чистоту, столь необходимую корпорации присяжных поверенных. Данный доклад был утвержден Александром III 8 ноября 1889 г. В результате приток иудеев в корпус присяжной адвокатуры был фактически остановлен. Так, по подсчетам И. Г. Гуцинского, в Минском окружном суде за 1891–1902 гг. количество евреев сократилось с 15,8 до 10 % от представителей всех вероисповеданий [17, с. 73–74].

Существенная корректировка внутривластного курса российского правительства в западных губерниях произошла в период политического кризиса 1905–1907 гг. В указе от 12 декабря 1904 г. была обнародована программа будущих политических и административных преобразований в Российской империи, в том числе планировалось «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей империи». В развитие этого постановления 1 мая 1905 г. был принят указ об отмене некоторых постановлений, ограничивающих права поляков в западных губерниях [18]. В самом указе не было никаких упоминаний о порядке прохождения поляками государственной службы в белорусских губерниях, однако к законодательному акту для сведения и руководства высших административных лиц было разослано секретное извлечение из журнала Комитета министров. В этом документе разъяснялась позиция высших органов власти по вопросу о кадровой политике в отношении поляков, желавших служить в Северо-Западном крае. Секретность разъяснения обусловливалась тем, что согласно российскому законодательству о государственной службе «различие вероисповедания или племени не препятствует определению на службу» [19, с. 4]. Таким образом, имевшиеся ограничения для службы поляков в западных губерниях противоречили нормам действовавшего законодательства. Данное постановление следовало рассматривать как административное «наставление начальникам ведомств не замещать известные должности в Западном крае лицами польского происхождения, не создавая в то же время никаких препятствий к получению ими соответствующих должностей в прочих местностях империи» [2, с. 47].

К выписке из журнала Комитета министров прилагался перечень должностей, которые оставались недоступными для поляков в западных губерниях. Этот список служил начальникам государственных учреждений руководством для производимых кадровых перемещений. Согласно ему по ведомству Министерства внутренних дел для лиц польской национальности закрытыми оставались должности начальников и их заместителей в городских, уездных полицейских и губернских жандармских управлениях; по ведомству Министерства финансов – должности управляющих казенных палат, управляющих акцизными сборами и таможенными округами, таможенными, должности окружных таможенных ревизоров, управляющих отделениями Государственного банка, отделениями Крестьянского поземельного банка, Государственного дворянского земельного банка, а также уполномоченного в Виленском земельном банке. По Министерству земледелия и государственных имуществ с особым доступом были посты начальников управлений земледелия и государственных имуществ, директора и управляющего средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений. Полякам было нельзя занимать должности управляющих контрольными палатами, а также главных контролеров контроля железных дорог и над постройкой оборонительных сооружений в г. Ковно. Железные дороги относились к стратегическим объектам ведомства Министерства путей сообщения, поэтому на такие посты, как начальники, директора и управляющие железными дорогами, управление которых находилось в городах западных губерний, а также по линии Московско-Брестской железной дороги, назначение поляков запрещалось. Такое же требование распространялось на заместителей должностных лиц данной категории, начальников службы движения и всех

«агентов, имеющих в своем распоряжении сведения по мобилизации и передвижению воинских частей» [2, с. 47]. Не меньшие предосторожности применялись в отношении замещения поляками должностей по внутренним путям и шоссейным дорогам: начальников округов и их помощников, инспекторов судоходства и начальника Висло-Неманского пути. В силу особой роли в крае системы учреждений Министерства народного просвещения негласные административные запреты для поляков распространялись на должности директоров, инспекторов и начальников как государственных образовательных учреждений, так и пользующихся правами правительственных учебных заведений. Кроме того, поляки не могли рассчитывать на должности преподавателя русского языка и словесности, истории, педагогики. В начальных училищах для них была доступна лишь должность законоучителя римско-католического исповедания. Особый подход в кадровых перемещениях был выработан для чиновников Министерства юстиции: область ограничений распространялась только на территорию Виленского генерал-губернаторства. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях лица польского происхождения не могли получить назначение на должности старшего председателя и председателей департаментов судебной палаты, председателей окружных судов, прокурора и товарищей прокурора в судебной палате и окружных судах. Все остальные должности по всем ведомствам являлись открытыми для поляков, однако в документе специально оговаривалось, что «перечень, конечно, не может быть понимаем как создающий обязательство для начальников ведомств замещать все другие, не перечисленные в нем должности, в пределах Западного края лицами польского происхождения [2, с. 48].

В циркуляре № 10 от 10 января 1906 г. виленский генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий, комментируя решение Комитета министров от 1 мая 1905 г., приказал руководствоваться следующими указаниями. Он дал ясно понять, что отмену ограничений для лиц польского происхождения нельзя трактовать как право «неограниченного определения их на службу». Органы государственной власти в Северо-Западном крае должны «прежде всего, сохранить облик русских учреждений», в особенности, когда получили развитие «крайние стремления инородческих элементов населения к обособлению от общерусской жизни». Роль личного состава государственных учреждений в этих условиях заключалась в создании противовеса сепаратистским и революционным движениям. Показательно, что в черновом варианте циркуляра приводился пример участия в революционных беспорядках 1905 г. чиновников-поляков, служивших по ведомству Министерства путей сообщения в Управлении Полесской железной дороги. В этой связи на государственную службу могут быть приняты только те лица польской национальности, которые в течение более или менее продолжительного времени послужили по вольному найму, безукоризненны в политическом отношении при условии, что в данном государственном учреждении «элемент служащих инородческого происхождения не поглощал русских». Все прошения об определении на службу поступали на личное рассмотрение генерал-губернатора с характеристикой политической лояльности кандидата и статистическими сведениями о национальном составе чиновников в органе государственной власти. Кроме того, губернаторам предлагалось изложить соображения о размере процентной нормы поляков среди чиновников края [2, с. 48].

В какой степени рекомендации генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого были актуальными для местного руководства, можно отчасти судить на основании сведений о личном составе чиновников отдельных учреждений Виленской губернии в 1906 г. Например, в марте 1906 г. во всех учреждениях Виленской и Ковенской губерний, входивших в состав Виленского почтово-телеграфного округа, насчитывалось 1151 человек, из которых только 25 (2,2%) являлись католиками. В Виленской казенной палате из 199 служащих 20 относились к католикам (10%). В правлении Виленского округа путей сообщения штатные должности занимало 20 человек, из них католиками было 6 чиновников (30%). В Управлении земледелия и государственных имуществ Виленской и Ковенской губерний служило 35 человек, из которых 9 были католиками (26%). В Виленской контрольной палате согласно данным, предоставленным ее управляющим, служило 116 чиновников, из них лишь 10 (8,6%) исповедовали католичество [2, с. 48–49].

Таким образом, большинство чиновников государственных учреждений Виленской губернии относились к лицам «русского происхождения», причем критерием определения национальности служило, как правило, вероисповедание. Польская национальность и католичество в большинстве случаев по-прежнему оставались неразрывными в представлениях местной администрации. Так, согласно постановлению Особого совещания начальников полиции Минской губернии в феврале 1913 г. было принято, что русским по происхождению считается лишь то лицо, которое «исповедует православную веру от родителей, рожденных в православии». В этой связи показательно, что сам по себе переход в православие из католичества уже не отменял польской национальной принадлежности, но все же православное вероисповедание, а не язык и культурная идентичность, оставалось главным критерием в определении русской национальности в крае в начале XX в. [2, с. 49].

В конфиденциальном письме от 18 сентября 1912 г. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел С. П. Белецкий предложил губернаторам западных губерний представить сведения о кадровой политике с 1 мая 1905 г. и высказать свои соображения относительно установления процент-

ной нормы для лиц польского и литовского происхождения. В ответном письме витебского губернатора М. В. Арцимовича от 13 января 1913 г. сообщалось, что в губернии по ведомству Министерства внутренних дел служит 1107 человек, в том числе 152 католика (13,7%). Самый высокий процент католиков оказался среди служащих земских и городских учреждений самоуправления – 687 человек (17%), по крестьянским учреждениям – 133 (14%), а вот в таких учреждениях, как губернское правление, полицейские управления, дворянском депутатском собрании и канцеляриях предводителей дворянства, всего 287 (4,5%). Если говорить о лицах, занимающих классные должности, то в письме витебского губернатора приводились точные сведения по двум последним категориям служащих этого ведомства. В частности, католиками оказались 3 депутата от дворянства, 1 помощник полицмейстера, 1 помощник пристава, 2 полицейских надзирателя, 1 заседатель дворянской опеки, 3 земских начальника, 4 делопроизводителя земских начальников и 16 канцелярских чиновников. В целом витебский губернатор констатировал, что представители администрации пользовались Высочайше утвержденным 1 мая 1905 г. Журналом Комитета министров с большой осмотрительностью и допускали на классные должности католиков лишь изредка, в виде исключения, и притом таких лиц, которые при продолжительном испытании обнаружили выдающиеся способности и преданность правительству. В принципе, витебский губернатор признавал пользу от применения закона от 1 мая 1905 г., но, учитывая политические условия в крае, считал, что введение процентной нормы для чиновников-католиков не имеет смысла [2, с. 50].

Одним из показателей реального места каждой этнической группы в социальной структуре общества является количество ее представителей в органах власти. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в административных, полицейских и судебных органах преобладали русские чиновники. На основании языкового критерия выяснилось, что в Витебской губернии из 2456 чиновников великорусами себя называли 1200 человек (почти 49%), белорусами – 792 (32,2%), поляками – 231 (9,4%), евреями – 26 (1,1%) [20, с. 172–174]. В Гродненской губернии из 2803 чиновников великорусами себя называли 1408 человек (чуть более 50%), белорусами – 784 (около 28%), поляками – 375 (13,4%), евреями – 42 (1,5%) [21, с. 202–207]. В Минской губернии из 2737 чиновников великорусами себя назвали 1437 человек (52,5%), белорусами – 901 (почти 33%), поляками – 234 (8,5%), евреями – 24 (0,9%) [22, с. 158–161]. В Могилёвской губернии национальный состав государственных служащих выглядел несколько иначе. Из 2081 чиновников белорусами себя назвали 1213 человек (58,3%), великорусами – 705 (около 34%), поляками – 84 (4%), евреями – 30 (1,4%) [23, с. 178–183]. По результатам переписи в 43-тысячном Могилёве проживало 6,8 тыс. этнически русских жителей. В подавляющем большинстве это были выходцы из Могилёвской, Калужской, Костромской и Нижегородской губерний. Среди государственных служащих (администрация, суд, полиция) 334 человека были русскими, а 342 чиновника назвали родным языком белорусский [24, с. 294].

Позиции белорусов среди чиновничества и занятых в интеллектуальной сфере были значительно сильнее в сельской местности (включая местечки). Так, если среди занятых в администрации, суде и полиции в городах белорусы составляли приблизительно 32,5%, то за их пределами – 53,2% [25, с. 152].

Заключение. Таким образом, ограничение доступа католиков на государственную службу в органы власти белорусских губерний после восстания 1863–1864 гг. становится одним из инструментов внутренней политики российских властей, направленной на деполонизацию края. Вместе с тем ограничения при поступлении на государственную службу для католиков никогда в полном объеме не выдерживались, о чем свидетельствуют отчеты и донесения местных губернаторов. В период революционных событий 1905–1907 гг. вследствие либерализации внутриполитического курса кадровая политика была пересмотрена в сторону восстановления для католиков права замещения должностей в государственном аппарате белорусских губерний. Однако ключевые должности в местных властных структурах по-прежнему оставались закрытыми для лиц польской национальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луговцова, С. Л. Кадровая политика российских властей на территории Беларуси после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.: (попытка сравнительного анализа) / С. Л. Луговцова // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 28–38.
2. Киселёв, А. А. Конфессиональные аспекты кадровой политики российских властей в полицейских учреждениях МВД белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. / А. А. Киселёв // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2012. – № 4(73). – С. 44–52.
3. Подорожня, Е. А. Особенности формирования губернской администрации в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Е. А. Подорожня // Вестник Полоцкий государственный университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 61–64.
4. Токць, С. М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. М. Токць. – Мінск, 1997. – 150 л.
5. Сталюнас, Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863–1865) [Электронный ресурс] / Д. Сталюнас // Балтийский архив : Русская культура в Прибалтике. – Вильнюс : Русские

- творческие ресурсы Балтии, 2003. – Т. VII. – С. 250–271. – Режим доступа: <http://www.russianresources.lt/archive/Mater/staliunas.html>. – Дата доступа: 21.04.2016.
6. Черевин, П. А. Воспоминания П. А. Червина 1863–1865 гг. / П. А. Черевин. – Кострома : Тип. «Северный рабочий», 1920. – 76 с.
 7. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – М. : Наука, 2005. – 383 с.
 8. Дело о служебных и нравственных качествах чиновников, вызванных на службу в Витебскую губернию из Велико-российских и Юго-Западных губерний // Национальный исторический архив Беларусь (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32678.
 9. Дело о представлении главному начальнику края перечневой ведомости о чиновниках польского происхождения, уволенных от службы с 1863 по 1866 гг // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32752.
 10. Дело о представлении генерал-губернатору перечневой ведомости о числе чиновников Витебской губернии 1865 г. // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32281.
 11. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг. : манагр. / А. П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
 12. Заремский, В. К. Религия в жизни провинциального чиновника XIX в. (на примере почтово-телеграфных служащих Могилёвской губернии) / В. К. Заремский // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Старостенко. – Могилёв, 2006. – С. 41–43.
 13. Особая всеподданнейшая записка витебского губернатора о положении губернии вообще от 18 апреля 1885 г. // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54057.
 14. Дело о мерах к привлечению на службу в Северо-Западный край русских уроженцев 1884 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. Оп. 121. Д. 833.
 15. Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. (Высочайше утверждены 13 июня 1886 г.). – СПб. : Литотипография и словолитня Эрнста Платеса, 1886. – 19 с.
 16. Всеподданнейший отчет Могилёвского губернатора за 1886 г. // Научно-справочная библиотека ; Российский государственный исторический архив (НСБ РГИА). – Ф. 2847. Ед. хр. 15.
 17. Гушчынскі, І. Г. Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / І. Г. Гушчынскі. – Мінск, 2011. – 160 л.
 18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собрание 3-е. – Т. 25. – Отд. 1 – № 26163. О порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний от 1 мая 1905 г. – СПб., 1908. – С. 286–287.
 19. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1857 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 3 : Уставы о службе гражданской. – 1416 с.
 20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1903. – Тетр. 3 (последняя). V : Витебская губерния. – XIV, 281 с.
 21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1903. – XI : Гродненская губерния. – XV, 319 с.
 22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1904. – XXII : Минская губерния. – XVI, 243 с.
 23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петерб. АО печ. и писчебумаж. дела в России «Слово», 1903. – XXIII : Могилевская губерния. – XV, 275 с.
 24. Сидоренко, Б. И. Русский компонент в общественно-политической жизни Могилёва XIX века / Б. И. Сидоренко // Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве : зб. навук. пр. удзельнікаў Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 29–30 мая 2014 г. / Маг. дзярж. ун-т харч. ; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў : МДУХ, 2014. – С. 292–295.
 25. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.

Поступила 15.12.2016

CONFESSIONAL AND NATIONAL STRUCTURE OF THE BUREAUCRACY BELARUSIAN PROVINCES IN 1864–1914

A. KUZMIN

The subject of the research in this article is a confessional approach in the personnel policy of the tsarist authorities in the territory of Belarusian provinces in the 1864–1914. The author found that after the suppression of the uprising of 1863–1864 tsarist government pursued a policy to change the staff of local authorities. In all the higher positions of responsibility and local officials were replaced by people from the central provinces of the Russian Empire. At the beginning of the XX century personnel policy of the authorities did not change significantly. Key positions in the local administration were still closed for the Poles.

Keywords: *the bureaucracy, confessional approach, national approach, staffing.*